

A man with short brown hair and a light beard, wearing a black shirt and jacket, stands behind a woman with long, wavy blonde hair. She is wearing a white top with a feathered collar and large, ornate earrings. They are positioned in front of a window with sheer white curtains and dark green drapes. The lighting is soft, creating a romantic atmosphere.

Рина
БЕЖ
Я ~~НЕ~~ СДЕЛАЮ
ТЕБЕ БОЛЬНО

ОНА СТАНЕТ ЛИТМОБ

Рина Беж

Я не сделаю тебе больно

<https://litres.ru/74206862>

Аннотация

Он протянул мне руку помощи в тот момент, когда весь мир от меня отвернулся. Когда любимый предал, работы лишили, а желанную беременность насильно прервали. Он – младший брат моего мужчины. Точнее, уже не моего. Он – единственный, кто захотел меня защитить, кто подарил кольцо и тихо пообещал: "Я не сделаю тебе больно".

♥#Героиня старше ♥#Герой - настоящий мужик, пусть и молодой. Добивается героиню ♥#ОДНОТОМНИК ♥#ХЭ!
Добавляйте книгу в библиотеку, подписывайтесь на автора Книга участник Литмоба "Она старше"

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Визуал	14
Глава 3	15
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	35
Глава 7	41
Глава 8	47
Глава 9	52
Глава 10	59
Глава 11	67
Глава 12	76
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Глава 1

Он протянул мне руку помощи в тот момент, когда весь мир от меня отвернулся. Когда любимый предал, работы лишили, а желанную беременность насильно прервали.

Он – младший брат моего мужчины. Точнее, уже не моего.
 Он – единственный, кто захотел меня защитить, кто подарил кольцо и тихо пообещал: "Я не сделаю тебе больно".

♥#Героиня старше
 ♥#Герой - настоящий мужик, пусть и молодой. Добивается героиню
 ♥#ОДНОТОМНИК
 ♥#ХЭ!

=====

СВЕТЛАНА

Часы на встроенном духовом шкафу показывают без двух минут восемь вечера, когда в замочной скважине раздается легкий скрежет.

Женька! Наконец-то пришел!

Как же я соскучилась!

У меня для него такие шикарные новости, что грудную клетку буквально распирает от желания скорее ими поделиться.

Не скрывая улыбки и пританцовывая на носочках, одной

рукой выключаю индукционную плиту, другой отправляю лопатку на специальную подставку. Не удержавшись, кончиком указательного пальца подцепляю капельку соуса «Болоньезе», отправляю в рот.

М-м-м... отлично!

Сегодня он получился божественно идеальным. Как и спагетти, которые десять минут назад откинула на дуршлаг.

Бросаю взгляд на свое отражение в хромированной поверхности огромного холодильника. Взбиваю руками волосы, чтобы придать им объема и небрежности. Поправляю ворот Женькиной рубашки, накинутой на голое тело. Терпеть не могу носить дома лифчики. К трусикам это не относится. Они на мне. Одергиваю полы, доходящие мне до середины бедра, и срываюсь в прихожую.

Макеев стоит спиной ко мне. Слегка наклонившись вперед и поддевая носком одной ноги пятку другой, стаскивает кроссовок.

Не дожидаясь, когда обернется, с тихим писком обнимаю его за плечи и прижимаюсь всем телом.

Со-ску-чи-лась!!!

– Привет, мой хороший! Ты очень вовремя. Наверное, мысли мои прочитал, что жду! Вот и поспешил!

Наклоняюсь и касаюсь губами крепкой шеи.

Делаю глубокий вдох. И замираю.

Только в этот момент начинаю осознавать, что что-то не так.

Первое – запах.

Евгений предпочитает древесную туалетную воду. С более тяжелыми горькими нотками. Тут же морозная свежесть, мята, грейпфрут и бодрость.

Второе – фигура.

Макеев к спорту лоялен. Ведь их многомиллионная компания «Грейспорт», основанная еще отцом, является одним из основных поставщиков спортивного оборудования и инвентаря как для фитнес-центров, так и спортшкол не только города, но региона. Но вместе с тем, сказать, что Женька со спортом на ты, нельзя. Тренажерный зал он посещает редко, предпочитая проводить время в бассейне.

Тут же под моими руками, пусть касание и оказалось мимолетным, такие литые мышцы перекачиваются, будто под кожей стальные канаты натягиваются, не меньше.

Третье – шея. Точнее, рисунок на ней.

Евгений жуткий противник татуировок. И вряд ли бы он сменил мнение за те два дня, что мы не виделись, на этот счет.

Четвертое – то, что я должна была заметить сразу, но как-то проморгала, – одежда.

Макеев предпочитает классику. За те пять лет, что его знаю, два из которых мы встречаемся, я ни разу не видела Женю в спортивном костюме.

Ни разу!

Только в классике.

Пока эти мысли вереницей образов мелькают в голове, мужчина медленно оборачивается.

Я настолько обескуражена узнаванием, что на несколько секунд теряю дар речи. Дергаю губами, приоткрывая и захлопывая рот, и не сразу осознаю, что крепкая, горячая мужская ладонь продолжает удерживать в захвате мои пальцы.

– Привет, Светлячок! Давно не виделись.

Голос... такой по-мужски хрипловатый, но приятный, легкой щекоткой пробегает по коже, заставляя волоски вставать дыбом.

Во все глаза смотрю на того, кого не видела больше года. Боюсь моргнуть.

Вдруг исчезнет?

Высокий, широкоплечий, мощный. Спортивное телосложение, сильная шея, которую переплетает вязь татуировки. Мне кажется, он точно стал еще массивней и больше раздался в плечах.

Лицо молодое, но мужественное, выраженная челюсть, глаза красивые, горящие, игривые. Настолько синие, что завораживают и утягивают в омут, где черти пляшут.

Передо мной молодой, азартный хищник. Виски выбриты, длинная стильная чёлка, косой шрамик на левой брови делит ее пополам.

Опускаю глаза ниже. Светло-серый брендовый спортивный костюм с капюшоном, белые кроссовки уже скинуты, белые носки, на запястьях часы и кожаные браслеты.

Его можно рассматривать и рассматривать, находя все новые и новые детали. Типичный представитель золотой молодежи. Спортивный, сильный, модный, стильный и чертовски обаятельный.

— Егор... — почти шепчу, теряя дар речи.

Егор Макеев. Младший брат моего мужчины. Двадцатисемилетний хоккеист, левый крайний нападающий и капитан клуба КХЛ «Авангард». Особая гордость семьи Макеевых, как и головная боль, если вспомнить его веселую бурную юность.

Глава 2

СВЕТЛАНА

– Я по тебе тоже скучал, Светик. Ты стала еще большей красавицей, хотя я думал, это невозможно, – комплимент совсем не расслабляет.

Я сжимаюсь под его пристальным взглядом. А он не просто смотрит, он изучает меня. Внимательно, сантиметр за сантиметром, как редкую диковинку.

Закрываюсь, начиная комплектовать. Я старше. Мне тридцать три.

Какая красавица, боже мой? Да у меня уже морщинки, а у него подружки – все сплошь модели и первые красавицы страны, причем, на десяток лет меня моложе.

– Привет, – наконец отмираю. – Я тоже рада тебя видеть.

А в следующую секунду осознаю, в чем я перед ним стою, точнее, без какой части гардероба, мысленно охаю и скрещиваю руки на груди.

Про румянец на коже и говорить нечего. Блондинка. Можно прямо от щек прикуривать, так их печет огнем.

– Ты же не уходишь? – выпаливаю, переминаясь с ноги на ногу.

И Макеев-младший тут же акцентирует все внимание на моих голых ступнях.

– Нет. Я только пришел, – произносит еще более хрипло.

Ну да, точно. Он же только пришел!

Вот я туплю по страшному.

– Хорошо. Я быстро до спальни. Переоденусь и вернусь, – объясняя свои дерганья. – На кухне в холодильнике свежесжатый апельсиновый сок, кстати. Я только приготовила.

Взмахом руки указываю направление и тут же себя снова ругаю.

Света, заканчивай идиотничать! Это квартира старшего брата Егора, даже если парень не был тут год, он вряд ли забыл, где и что в этом доме находится!

– Спасибо, – доносится мне вслед вместе со смешком.

Или показалось?

Да, бог с ним! Пусть смеется.

Действуя как заправский солдат, который одевается за то время, пока горит спичка, скидываю рубашку Жени, натягиваю лифчик, джинсы и футболку. Схватив с комода резинку, закалываю волосы в хвост.

Залипаю на отражении в зеркале, отмечая мимические морщинки у внешних уголков глаз, тянусь за тушью...

А-а-а... Света! Это всего лишь Егор! Выдыхай!

Реально выдыхаю.

Шумно. Резко.

Потом делаю медленный глубокий вдох и на этот раз выдыхаю медленно.

– Ты меня удивил своим появлением, – произношу, растягивая на губах улыбку, как только переступаю порог кухни.

Макеев-младший сидит на барном стуле, сложив перед собой руки. Перед ним графин и наполовину наполненный соком стакан.

– Ты тоже удивила меня своим здесь нахождением, – произносит он непонятную мне по смыслу фразу.

– П-почему? – свожу брови вместе.

– Я думал, вы... – Егор сам себя обрывает, не договорив. Резко мотает головой. – Ладно, сами разберетесь.

– Разберемся в чем? – пытаюсь выяснить.

Мне не нравится, что вся веселость младшего брата моего мужчины сходит на нет, а взгляд становится задумчивым и даже, кажется, злым.

– Сами, Светлячок. Сами, – произносит он твердо.

– Ладно, – решаю не спорить и меняю тему. – А ты наконец по родным соскучился? В отпуск вернулся? Или только на выходные?

Егор поднимает взгляд от столешницы, которую изучал так же пристально, как некоторое время назад меня. Качает головой.

– Меня приглашали на торжество.

– А-а-а... на торжество... – тяну глубокомысленно, впрочем, мало что понимая. И снова решаю сменить направление разговора. Теперь уже на то, в чем разбираюсь лучше. – А Женья на два дня уезжал в командировку. Но сегодня должен уже вернуться. Писал, что к девяти будет. Я ужин приготовила. Ждала его, поэтому так на тебя среагировала. Ты меня

извини, окей? – тараторю из-за нервов.

Почему-то то, как резко испортилось настроение Макеева-младшего, меня напрягает.

Будто я что-то упускаю.

Что-то, что касается лично меня.

Что-то очень важное.

И, кажется, неприятное.

– Да, Свет, я в курсе. Поэтому и зашел, хотел с ним кое-что тет-а-тет обсудить.

– Ох, ясно, – киваю, вновь натягивая на губы улыбку, – но с нами, надеюсь, поужинать не откажешься?

– Прости, не смогу.

Обидно.

Но парень молодой, конечно же, у него есть дела поважнее. Грех выказывать недовольство.

В этот момент со стороны прихожей вновь раздается скрежет ключей в замочной скважине. Я поворачиваюсь к выходу, чтобы бежать встречать Женю, но Егор перехватывает меня за руку и не отпускает.

– Света, – произносит тихим, серьезным голосом, впиваясь в мое лицо непонятно напряженным взглядом. – Я тебе сейчас кое-что дам. Просто спрячь его и не задавай вопросов. Женьке тем более не показывай. Номер личный, никто его не знает, звонить не станет. Будет нужна помощь, набери меня. Поняла?

Нет. Я совершенно ничего не понимаю.

А от того, как крепко меня держит Макеев, начинает потряхивать.

Кажется, он нервничает.

Я заряжаюсь беспокойством от него.

– Егор, ты о чем? – понижаю голос, неосознанно копируя его поведение.

Но вместо пояснения он впихивает в мою взмокшую от непонимания ситуации ладонь маленький кнопочный телефон.

– Я очень хочу ошибаться на счет своего брата, – говорит загадками. – Но так мне будет спокойнее.

– Егор...

– Спрячь, – командует он тихо, но таким тоном, что я не могу послушаться.

Недолго думая, подбегаю к холодильнику и засовываю гаджет, каких уж, думала, не производят, в корзинку, где хранятся всякие ненужные мелочи.

– Умница, – доносится мне в спину.

Резко оборачиваюсь, но замечаю лишь удаляющуюся фигуру.

А затем слышу голоса. Братья громко и весело здороваются и, судя по хлопкам, обнимают друг друга.

Визуал

*Дорогие друзья, приглашаю в новинку, где...
 ♥#Героиня старше.
 ♥#Герой - настоящий мужик, пусть и молодой. Он добивается героиню, несмотря ни на что.
 ♥#Предатели получают по заслугам.
 ♥#Будут сцены 18+
 ♥#Обязательно наступит ХЭ!

 Не забудьте добавить книгу в библиотеку, чтобы не потерять!♥#
 Приятного чтения!*

Глава 3

СВЕТЛАНА

Внутри звенит натянутой струной, когда я, ступая босыми ногами, – не люблю носки, даже больше лифчиков! – покидаю кухню и выхожу в прихожую.

Макеевы уже не тискают друг друга в объятиях, а, стоя плечом к плечу, что-то очень тихо обсуждают.

Смотрю на одного. Перевожу взгляд на другого.

Как я могла их перепутать?

Они же совершенно разные.

Рост один, темноволосые макушки тоже, резковатые черты лица схожи. Но и всё на этом.

Разворот плеч и мускулы младшего Макеева видны невооруженным взглядом. И там, где я спокойно и ненапряжно обхватываю бицепс Евгения двумя ладонями, с бицепсом Егора справлюсь только посредством трех, как минимум.

А энергетика?

В присутствии Гора воздух будто уплотняется и пульсирует, струится по коже колючей морозной поземкой заряженных частиц, простреливает то там, то здесь, затрудняет дыхание и вызывает аритмию.

– Света?

Они замечают меня одновременно.

Неуловимо схожим движением вскидывают головы и рез-

ко обращаются. И если от взгляда одного я чувствую себя свободной и естественной, то другой парализует и смущает невероятно.

Все же Егор очень здорово возмужал. Воспринимать его парнем-шалопаем, каким он был еще несколько лет назад, уже не удастся.

– Секретничаете? – растягиваю непослушные губы в улыбке.

Подхожу к братьям ближе.

– Привет, детка.

– Привет, я соскучилась, – приподнявшись на носочки, обнимаю Женю за шею и чмокаю его в щеку.

Мое признание – не пустые слова. Я действительно скучала. Ненавижу оставаться в этой квартире одна. Без Женьки она кажется мне слишком большой, холодной и бездушной, хоть и оформлена очень дорогим дизайнером.

– Я тоже, малышка. Пздц, как сильно.

Макеев отмечает мою попытку отстраниться, собственническим жестом обхватывает мою попу одной ладонью, сжимает ее до легкой боли и вскидывает меня вверх. Второй обхватывает затылок и целует. Агрессивно, собственнически. Расталкивает языком губы и ныряет внутрь, кружит, атакует и заставляет подчиняться.

– Эй, погодите хотя бы пять минут, когда я уйду, – раздастся сбоку громкий смешок.

Меня точно в холодную воду окунают. Внутри жар, а на

коже все волоски дыбом.

Разрываю поцелуй, хотя Женя будто бы даже против, и прижимаюсь к его боку.

– Прости, – извиняюсь перед Егором, поднимая на него тревожный взгляд.

– Да всё в порядке, – ухмыляется Женька, в отличие от меня ни капли не смущаясь, – ты, Свет, не знаешь, каким сам Гор бывает, когда у него от желания потрахаться кукуху рвет.

– Я думаю, мне это и не надо знать, – произношу тихо, но твердо. Ладно они, мужики, обсуждают подобное, но я-то девочка.

На младшего Макеева больше не смотрю, щеки и уши и так полыхают. А вот он смотрит.

На меня.

Станным образом я чувствую его взгляд, точно прикосновение.

Евгений, пропуская мои слова мимо ушей, продолжает начатую тему:

– В институте помнится, братишка, ты и с двумя телочками одновременно зажигал. Имел, всё, что движется. Любил пошалить, верно?

Меня подобный разговор все больше напрягает. Егор же слегка прищуривается, но согласно кивает.

– Грехи молодости, у кого их нет, – произносит таким тоном, будто отмахивается от пяти рублей, которые ему про-

тягивает кассирша в «Пятерочке».

– Ну да – ну да, – играет бровями Женя, но через секунду переключается. – Ты, кстати, когда улетаешь?

Он обхватывает меня за плечи и вжимает в свое тело плотнее. Еще и подбородок на мою макушку укладывает.

Вот же я мелочь по сравнению с ними.

– Дня через два-три, не больше. Дам возможность родителям на себя насмотреться, – хмыкает Гор пробегая глазами от брата ко мне и обратно. – Потом начнется подготовка к новому сезону, будет ни до чего.

– Ясно, понятно. Готов к новым подвигам?

– Всегда готов.

– Молодца, братуха!

– Светлячок, – вдруг обращается младший Макеев конкретно ко мне. – Дашь нам с Жекой пару минут потрепаться наедине? Не обидишься, если попрошу уйти?

– Нет, конечно, – мотаю головой, мысленно называя себя тупицей. Он же предупреждал меня, что для этого и пришел, но все из головы вылетело. – Может, все же на кухню пройдете. Я бы вам и стол к ужину накрыла, а потом ушла?

Хозяйка во мне неискоренима.

– Спасибо, но нет. В другой раз.

– Да, как скажешь, хорошо, – бормочу, немного теряясь под немигающим взглядом, вскидываю руку вверх, машу «Пока» и пачусь. – Рада была повидаться.

– Я тоже, Светлячок.

Под двумя мужскими взглядами разворачиваюсь на пятках и чуть ли не бегом устремляюсь в сторону спальни. Почему-то мне хочется доказать Гору, что не такая я тупая, какой себя сегодня продемонстрировала.

Зачем? Почему?

Сама не понимаю.

Влетаю в комнату и с легким, но явно слышным в прихожей хлопком закрываю дверь. Дохожу до кровати и без сил на нее падаю.

Пусть знают, что не слушаю я их.

Не слушаю!

Чтобы даже самой себе это доказать, перекатываюсь со спины на живот и стягиваю с прикроватной тумбы пульт. Включаю телевизор. Прибавляю громкость.

Время девятичасовых новостей. Диктор, наглаженный и напомаженный, с серьезным лицом вещает о важных событиях дня. Не люблю политику.

Вновь перекатываюсь на спину и устремляю невидящий взгляд в потолок. Он идеально белый, ни одной точки-черточки, за что можно зацепиться взглядом.

Стерильный, как всё в этой квартире.

Зачем Егор дал мне свой сотовый?

Почему он не ожидал увидеть меня здесь?

Мы же с Женькой два года вместе. Живем практически одной семьей. Единственное, до чего руки не доходят: моему мужчине совершить последний шаг – купить кольцо и

сделать мне предложение. А мне ответить ему: «Да!». Но я не сомневаюсь, что как только в бизнесе наступит более спокойное время, Макеев так и поступит. Нам хорошо вместе.

Я знаю, Женя любит меня. А я люблю его.

– Вот ты где, моё солнышко.

Женя появляется в комнате так бесшумно, что, услышав его голос совсем рядом и через секунду увидев нависшее надо мной лицо, вздрагиваю.

– Ох, напугал!

– Разве? – удивленно приподнимает он брови. – Я думал, ты меня слышишь, Светулёчек, но остаешься лежать в кровати, приглашая к тебе присоединиться. Так я не против.

Последнюю фразу урчит, склоняясь совсем низко и практически укладываясь на меня. Лишь верхнюю часть тела удерживает на локтях.

– А Егор уже ушел?

– Ага.

– Ясно. А я ужин приготовила, – вспоминаю про идеально получившийся «Болоньезе», который теперь уже давно остыл. – Хотела тебя накормить.

– Накорми меня собой. Я сожрать тебя готов, – выдыхает Женя в губы.

Обхватывает лицо ладонями, будто боится, что отвернусь, и жадно набрасывается, заставляя приоткрыть рот и ему отвечать.

– К черту одежду! Хочу тебя голую.

Макеев в каком-то непонятном исступлении сдирает с меня футболку. Дергает джинсы, с корнем выдирая кнопку. Царапая короткими ногтями, прихватывает штаны вместе с трусиками и рваными рывками стягивает с моих ног.

– Эй-эй, погоди, – смеюсь, удивляясь сумасшедшему напору.

Будто мы не два дня не виделись, а год сексом не занимались.

А спустя пару мгновений выгибаюсь дугой, потому что Женька укусами-поцелуями начинает покрывать все моё тело. Каждый участок. Каждый сантиметр.

– Мля, презервативы забыл! – выпаливает он, злясь на промедление.

– Да не нужны они, – заверяю любимого со смешком.

Интересно, догадается почему или нет?

– Нет, Светик, нужны, – произносит Макеев сквозь зубы.

Скатывается с меня и абсолютно голый спешит к дальней тумбочке, где те всегда хранятся. Достает упаковку, зубами надрывает блестящий квадратик. Раскатывает латекс по всей длине. Вскидывает на меня абсолютно черный взгляд и медленно надвигается.

– Не смогу сегодня сдерживаться. Хочу жестко, – хрипит.

А у меня интимные мышцы от его обещания поджимаются.

– Х-хорошо, – выдыхаю, облизывая совершенно сухие губы.

– Люблю тебя, Светка, люблю, поняла? – шепчет в испуге, разводя мне широко ноги и нависая сверху.

Ловлю его взгляд своим.

– ... А теперь перейдем к светским новостям... От всей души, хоть и с опозданием, поздравляем дорогих молодоженов! Сегодня нам стало известно о том, что старший сын Ивана Макеева, владельца «Грейспорт», Евгений Макеев, семь лет являющийся исполнительным директором «Грейспорт», и дочь владельца концерна «Бенати» Геннадия Разина, Ангелина Разина, два дня назад узаконили свои отношения. Свои подписи они поставили в ЗАГСе в Barvikha Luxury Village. У нас даже есть фотографии с их замечательного и по истине шикарного бракосочетания. Полюбуйтесь сами.

Глава 4

СВЕТЛАНА

Нет. Я не люблюсь.

Я ужасаюсь.

С каждым новым кадром, выведенным на большой экран, я умираю.

Планы, надежды, грёзы... всё превращается в тлен.

Как с увядающей розы отлетают и падают в бездну лепестки, так же меня покидают мечты, которые уже никогда не осуществлятся; фантазии, которые навсегда останутся фантазиями; цели, которые мой любимый мужчина реализовал с другой...

Мужчина.

Еще любимый.

Но уже не мой.

Теперь он принадлежит ей. Ангелине Разиной. Девушке, которая когда-то пообещала, что она его у меня заберет. И все-таки своего добилась. Забрала.

Целеустремленная, да.

– Ты такой здесь счастливый, – выдыхаю едва двигающимися губами.

И ведь не вру. Они действительно очень здорово смотрятся вместе. Молодые, красивые, улыбающиеся. Он в белой рубашке и светло-сером костюме. Она в элегантном платье из

кружев и жемчуга. Обнимаются, заглядывая друг другу не то в глаза, не то в самую душу.

– Перестань, Светка! Это ничего не значит, – рычит Женя, встряхивая меня, как куклу. А я и есть кукла. Тряпичная кукла, у которой нет ни позвоночника, ни хоть какой-то опоры. Ничего нет. – Перестань!

– И тут ты улыбаешься, – хриплю, разглядывая новый кадр.

Горло перехватывает, словно удавкой стягивает, но, глядя на открыто улыбающегося на экране Макеева, я тоже начинаю улыбаться. Я всегда четко улавливала его настрой и неосознанно перенимала. И сейчас это выходит само собой. Легко.

Я вижу его улыбку и ему улыбаюсь.

А он улыбается не мне. А ей. Своей невесте.

Нет.

Уже жене. Два дня как жене.

– Ты женился, Женя, – констатирую факт, не переставая тянуть уголки губ в стороны.

Даже не сразу осознаю, что на эмоциях, с которыми не справляюсь, сижу и раскачиваюсь.

Туда – сюда. Туда – сюда.

Как маятник.

– Это ничего не значит, Света!

Женя рывком дотягивается до пульта, лупит по кнопке, выключая телевизор, и с психом отшвыривает пульт в сто-

рону.

Ну и зачем?

Это ничего не изменит. Все снимки уже в моей голове. На подкорке. Запечатлены в деталях. Они навсегда останутся там.

На-всег-да.

Как факт предательства.

Как знак того, что выбрали не меня.

Как утверждение, что для этого мужчины я не на первом месте.

Увы, нет.

Не понимая моего надлома или попросту не желая его понимать и принимать, Макеев ловит меня за плечи. Встряхивает, прекращая раскачивание, и перемещает ладони мне на лицо. Обхватывает за щеки и стискивает их до боли.

– Смотри на меня, Света! – приказывает, чуть не крича. – Я сказал, смотри на меня! Это. Ничего. Не значит!

А я не хочу смотреть на него. На него нового и абсолютно чужого.

Не хочу.

– Отпусти... не надо... не трогай...

Становится дико неприятно от прикосновений его рук. Они, словно раскаленное железо, меня жгут и ранят. Мне больно. И на коже, и под ней.

А еще нагота. Мне больше не хочется быть открытой и обнаженной перед мужчиной, который меня не просто унизил

и растоптал, утаив факт своей свадьбы с другой, но осмелился прийти в дом, где оставил ждать себя из «командировки», и ведет себя так, будто между нами ничего не изменилось.

Он ненормальный?!

Вцепляюсь в Женины запястья и пытаюсь отодрать их от своего лица.

– Отпусти! Мне неприятно! Хватит! – скулю, пытаюсь освободиться.

А когда получается – не потому, что я сильная, а потому, что он позволяет – быстро перебираю ногами и отползаю к изголовью, одновременно натягивая на себя покрывало.

– Не плачь, пожалуйста! – хрипит.

Я разве плачу?

Высовываю одну руку из-под стиснутого у шеи пледа и касаюсь щеки. Смотрю на нее. Мокрая. Я даже не заметила, когда успела заплакать.

– Прости меня...

Отрицательно качнув головой, закрываю глаза.

Не то. Ты говоришь не то, Женя!

– Скажи, я что, не заслужила правды?.. – выдавливаю с трудом. – Два дня назад ты не мог мне сказать, что любишь другую? Не мог расстаться по-человечески? Решил надо мной поиздеваться, да?

– Света... эта свадьба ничего не значит. Брак договорной. Слияние компаний для усиления позиций. Я не говорил тебе, но мы лажанулись по одному госконтракту, поста-

вив в школы испорченное оборудование. Чтобы не потерять не только имя и репутацию, но и не загреметь за решетку, нам пришлось в срочном порядке изымать его и заменять на новое, качественное. Это сотни миллионов рублей. Если бы не помощь Разина, мы бы потерпели крах. Такие дела... Девочка моя, я не мог сказать тебе, что люблю другую, как ты того требуешь, потому что это была бы ложь. Я люблю тебя. Тебя, Светка, по-прежнему. Ты – моя любимая малышка. А Геля... она – только жена. И всё.

И всё...

Хорошая речь, складная. Наверное, должна была меня растрогать и заставить проникнуться ситуацией, но только я – не наивная девочка с улицы, я – сотрудник «Грейспорт», работающий в аналитическом отделе. И вряд ли бы такая серьезная промашка осталась незамеченной в нашем секторе. А даже если осталась... я не верю, что другого выхода не было.

Не верю!

Не желаю верить. Потому что есть кредиты, ссуды, лизинг... много вариантов. Да, соглашусь, более сложных и рискованных, но исключаяющих предательство.

Макеев выбрал путь легких денег. Женился на них.

Что ж, так тому и быть...

– Ты сделал свой выбор, Женя, – произношу тихо, но твердо и отрицательно мотаю головой, когда он протягивает ко мне руку. – А я делаю свой. Я ухожу от тебя.

Глава 5

СВЕТЛАНА

– Нет. Никуда ты не уйдешь, – произносит он уверенно.

С той интонацией, которую он использует, когда решение принято и не подлежит обсуждению.

Раньше, зная характер Макеева, я бы отступила. Воевать с ним – себе дороже. Он же упертый, как баран.

Теперь – ни за что.

Ни его характер, ни его уверенность, что он – главный, а я подчиняюсь, меня не переубедят остаться.

– У тебя теперь есть семья, Женя. Жена. Командуй ей. А я для тебя – никто. Потому что быть любовницей отказываюсь.

Рывок вперед, и вот он уже хватает меня за ладонь, тянет на себя, вжимает, будто впаять в себя хочет. Я буквально повисаю в его руках.

– Ты – моя семья, Света. Все остальное работа. Прости. Клянусь, другого выхода не было. Мне пришлось так поступить. Слышишь?.. Ты должна простить...

Каждое слово, как капля кислоты. Я не знаю, что осталось во мне живого, но с каждым мгновением становится больше. Я не выдержу, это предел.

– Ангелина – работа? – с трудом выдавливаю имя его жены. – То есть ты не собираешься с ней жить, спать, заводить детей?

– Светик...

– Скажи... скажи мне правду... – требую, пытаюсь задрать голову и заглянуть ему в глаза.

Не позволяет.

Фиксирует мое тело. Одной рукой прижимает спину, другой, удерживая затылок, впечатывает лицом в свое плечо.

– Скажи... – прошу беззвучно.

– Я должен...

Должен... должен... должен...

Так получилось... Пришлось...

Я не хотел, но...

Должен... должен... должен...

– Отпусти меня, Макеев! – извиваюсь ужом, пытаюсь выдраться из ненавистных объятий. Потому что они больше не защищают, не укрывают от опасности, они душат и причиняют боль. – Отпусти, сказала! Иди к жене своей! Ее тискай! Работай, Женя, ты же *должен!!!* Так вперед и с песней! Под вальс Мендельсона!

– Перестань нести чушь! – встряхивает с такой силой, что у меня челюсти клацают, а на плечах после этого явно останутся синяки. – Да, я понимаю, тебе больно и плохо. Но и мне плохо, Света! Мне тоже плохо, пойми! Я должен разрываться на части, чтобы быть с тобой и с ней.

Господи, какой бред...

Опять его «должен».

– Не надо, – мотаю головой, продолжая сопротивляться

и выкручиваться. – Не надо таких жертв! Я тебя отпускаю, Женя. Честно. Иди к своей жене, или работе, не важно, как ты ее называешь. Иди и будь счастлив. Дай мне хотя бы день, чтобы собраться. Я съеду и больше тебя никогда не побеспокою.

– Нет! Я тебя не отпускаю, – психует, рыча мне в ухо. – Ну что ты хочешь, чтобы я сделал?

– Отпусти.

– Нет! Всё, что угодно, но не это. Ты – моя.

– Уже нет, – морщусь.

– Отвратителен стал, да? – вдруг оскаливается, словно зверь.

А меня на эмоциях несет.

– Да! – выкрикиваю ему в лицо, потому что наконец получается отстраниться.

Тихая и доброжелательная Светлана ломается. Мне хочется, чтобы и ему стало больно. Чтобы он оставил меня в покое.

– Да?! – зло усмехается. – Тогда нахрен я перед тобой распинаюсь и трачу время на прелюдии? Они мне не нужны! – в его голосе столько яда, что меня передёргивает.

Рывок! Не успеваю и пискнуть, как Макеев переворачивает меня на живот, срывает покрывало, отшвыривает его на пол и вжимает мое лицо в матрас.

– Не надо... – хватаю губами воздух.

– Что не надо? – рычит мне в ответ. – Доказывать тебе,

что ты – моя, не надо?! Трахать тебя мне не надо?!

Слышу, как снова шелестит фольгой. Пытаюсь перевернуться, но он снова грубо хватает меня за шею и удерживает на месте.

– Прекрати, – всхлипываю, барахтаясь под его огромным тяжелым телом.

— А по-другому ты не понимаешь, – опять зло усмехается, хватая меня за бёдра и тянет попу на себя. Поднимает ее.

– Жень, пожалуйста, не... – не успеваю договорить.

Вскрикиваю и закусываю край одеяла, потому что он входит в меня одним мощным, резким толчком.

Это больно.

Больно от грубого вторжения, от его размеров, от неожиданности.

Пытаюсь привыкнуть, рвано дышу, а Макеев наклоняется ко мне, прижимаясь грудью к голой спине, и хрипит на ухо:

– Я люблю тебя, Света.

Молчу, всхлипываю.

Это не любовь. Это насилие. Это намеренная жестокость.

– Света! Слышишь меня, люблю! – снова злится.

– Не надо меня любить... – выдыхаю и тут же открываю в беззвучном крике рот, когда он начинает двигаться, болезненно растягивая меня изнутри.

Как можно вообще говорить о любви, когда он причиняет мне боль? Когда берёт против воли, силой? Когда...

– А-а-а! – не выдерживаю, когда Жень полностью выходит

из меня и тут же резко вколачивается назад. Не жалея, на всю длину.

– Ну не надо, так не надо! – произносит он хрипло.

Стискивает мои бедра и начинает вколачиваться. Грубо, безжалостно, максимально глубоко. С каждым новым толчком лишь набирая темп.

А я кусаю край одеяла и пытаюсь перетерпеть.

Всё закончится...

Обязательно...

Уже скоро...

Потерпеть...

Повторяю, про себя и пытаюсь дышать глубже.

В какой-то момент боль отступает, и остается только жжение. Но я рано радуюсь – после очередного грубого вторжения болеть начинает где-то внутри, внизу живота. И с каждым новым толчком пульсация нарастает.

Кусаю губы в кровь, слёзы накатывают и льются сами собой.

Слышу, как Макеев протяжно стонет и замирает внутри меня, стискивая бедра. Падает на меня грудью, прижимает к кровати и тычется носом в мою шею.

– Хочешь сбежать от меня? Не отпущу, – шепчет мне в ухо.

– Не удержишь... – выдыхаю я, чувствуя, как меня скручивает сильнее.

Евгений давно остановился, но боль продолжает нарас-

тать. И я понимаю, что это не связано с грубыми вторжениями. Это что-то иное, внутреннее. Рождающееся где-то глубоко и с каждой минутой лишь усиливающееся.

– Мне плохо, больно... – стону, хватая воздух.

– Света... да, я немного пережестил, но не настолько уж должно быть хреново, – вздыхает Макеев и наконец скатывается с меня.

Тут же подтягиваю ноги ближе к груди, скручиваюсь и прижимаю ладонь к низу живота. От движения становится хуже, появляется испарина на лбу.

Слышу, как Макеев ходит по комнате, звенит пряжкой ремня, надевает рубашку.

– Не могу я тебя отпустить, понимаешь. Ты – моя, – выдыхает он в который раз.

А мне уже все равно, что он говорит. Мне очень больно, не могу пошевелиться.

– Женя... – сглатываю. – У меня очень сильно болит живот... вызови, пожалуйста, скорую. Я беременна.

Пауза. Тишина.

И недовольное:

– Светка, ну вот зачем? Что ты наделала?

Макеев прикасается к моему плечу, но быстро одёргивает руку.

Не вникаю в его вопросы. От малейшего движения живот болит сильнее, и я сосредотачиваюсь лишь на том, чтобы дотерпеть до того момента, когда приедет скорая и мне, нет,

нам с малышом поможет.

Глава 6

СВЕТЛАНА

– Осмотр не выявил никаких патологических изменений в организме. Допускаю, что боль могла быть вызвана психологическим стрессом или тревогой. Так называемая психогенная боль. Но в любом случае анальгетик я вколола, – отчитывается врач частной клиники, глядя на стоящего у окна Макеева.

Женщина средних лет, представившаяся Валентиной Константиновной, приехала в течение получаса и сразу после короткого разговора с Евгением занялась мной. Осмотрела, выслушала, прощупала, а после дала несколько разных таблеток и сделала укол.

Мне действительно полегчало. По крайней мере из жара в холод больше не бросает, а живот лишь совсем немного тянет.

– Значит, ничего страшного не случилось, и с моим малышом всё в порядке? – задаю ей самый главный вопрос.

Психогенная боль или еще какая-то – меня не особо волнует. Главное, будущий человечек, уже поселившийся внутри.

Врач смотрит на меня странным нечитаемым взглядом, затем переводит его на Макеева. И вот тут в нем проскальзывает вопрос и беспокойство.

– Евгений Иванович, но вы же гов...

– Всё в порядке, Валентина, – перебивает ее Макеев, не позволяя продолжить. – Можете идти, только дверь за собой захлопните. Деньги я переведу, как договаривались. Дальше мы справимся сами.

В смысле: можете идти?

Что значит: справимся сами?

– Ответьте мне на вопрос, – прошу, приподнимаясь с кровати. – С моим малышом всё в порядке?

Но женщина будто не слышит. Разворачивается и, ни разу не обернувшись, быстро покидает спальню.

– Валентина Константиновна, что с моим ребенком?! – кричу ей вслед. – Вернитесь, пожалуйста! Валентина Константиновна, вы же врач!

– Светулёчек, родная, успокойся. Тебе нельзя нервничать, – Макеев приближается и давит мне на плечи, не позволяя подняться.

И вот этот его увещающий тон и руки, прикосновение которых рождает внутри испуг, потому что я помню, что он ими делал совсем недавно, срабатывают от обратного.

– Женя, что происходит? – начинаю паниковать.

Пытаюсь отделаться от его захвата и подняться с кровати. Мне нужно догнать эту странную женщину! Нужно задать ей вопросы! Что с моим малышом?

Но Макеев, естественно, оказывается сильнее.

Скручивает в два счета, а после говорит то, что в букваль-

ном смысле выбивает почву из-под ног.

– Ты не можешь родить этого ребенка.

– Что?

Мне кажется, я ослышалась. Но он нависает надо мной, обхватывает скулы и, глядя глаза в глаза, повторяет чуть ли не по слогам:

– Ты не можешь сейчас родить от меня.

– Могу.

Господи, как же я не могу родить, если уже беременна?

Он ненормальный, нести подобную чушь?!

– Нет, – бросает Евгений жестко. – У меня брачный контракт, Света. По нему, моего первенца может родить только моя жена Ангелина.

Я думала, большее сделать невозможно.

Я думала, выражение «со дна постучали» – всего лишь красивый оборот.

Но Макеев виртуозно доказывает обратное.

Смаргиваю слезы, что застилают глаза, и качаю головой, отказываясь верить в то, как холодно и расчетливо он распоряжается моей жизнью.

Моей! И моего малыша!

Себя он от нас уже отделил.

Ну и ладно! Так даже лучше.

– Господи, да пусть рождает! Хоть каждый год, – говорю абсолютно искренне. Мне уже всё равно, что и как у них с Разиной будет. – Я просто соберу свои вещи и уеду! Никто

никогда не узнает, что я беременна, и с тобой не сопоставит! Я буду молчать, не волнуйся!

– В этом уже нет необходимости, – отвечает он глухо и переводит взгляд мне за спину.

Не знаю, что толкает меня за ним проследить. Оборачиваюсь, смотрю. Там лежат упаковки из-под лекарств, которые мне давала врач.

Мне было так плохо, что я не спрашивала их названия. Верила на слово, что после них мне обязательно полегчает, и спокойно запивала водой.

Кожу словно кипятком ошпаривает. За секунду потею, как мышь. Начинаю трястись. И теперь уже сама тянусь к Макееву.

Цепляюсь в его рубашку непослушными пальцами, трясусь.

– Что она мне дала, говори!? Ну же! Отвечай!

– Хорошо, что срок маленький, – произносит он, словно меня не слышит. – Обошлись медикаментозным абортom.

Абортom?

Можно ли убить человека словами?

Раньше я думала, что нет.

Но у Макеева получается.

– Ты что такое говоришь, Женя? – сиплю, глядя в его лицо. Еще недавно любимое и родное, а теперь чужое и омерзительное. Расплывающееся из-за потока слез. – Что вы сделали, нелюди?! – от понимания рвет на части. – Я же не просила этого! Я не хотела! Это мой... мой малыш... как вы

могли?!

– Ты сама выпила таблетки, Света, – режет он без ножа.

– Нет... – шепчу, недоверчиво качая головой, – нет. Я не могла сама. Врач говорила только про успокоительное.

И тут меня осеняет.

Можно всё отыграть назад! Я смогу!

Просто нужно вызвать рвоту. Таблетки-убийцы же могли еще не начать действовать. У меня есть время.

Отмахиваясь от рук Макеева, волчком скатываюсь с кровати и бегу в санузел. Сую пальцы в рот.

– Не поможет, Светик, – обрушивается на голову приговор.

А затем Евгений обхватывает меня поперек тела, прижимая руки к бокам и не позволяя вывернуться, словно цепями сковывает, и уносит обратно в кровать.

– Отпусти! Отпусти меня! – ору истерически, затем прошу, после молю, хриплю, уговариваю. – Пожалуйста, Женя, отпусти... позволь мне... я очень тебя прошу...

– У нас будут другие дети... позже... – сипит он мне в макушку.

Господи, да я скорее руки на себя наложу, чем позволю ему к себе еще хоть раз прикоснуться.

Затихаю, когда силы окончательно покидают, а голос пропадает.

Кажется, ночь длится бесконечно.

Уснуть я не могу, да и не пытаюсь. Смотрю невидящим

взглядом в потолок и больше ни о чем не прошу. Вообще с Макеевым не разговариваю.

Он, судя по дыханию, тоже бодрствует и захват свой не ослабляет ни на секунду. Стережет. Время от времени предпринимает попытки поговорить, но, поняв бесполезность, затыкается.

На рассвете живот скручивает от привычных болей, сопровождающих женские дни. Только в этот раз тянет заметно сильнее.

Я понимаю, что происходит. И позволяю себе слезы.

Так я прощаюсь со своим нерожденным малышом, которого не уберегла.

Глава 7

СВЕТЛАНА

– Света, ты будешь вставать? Я завтрак приготовил.

Макеев в третий раз за утро подходит ко мне в попытке расшевелить, а я третий раз мысленно отправляю его в блок, никак не реагируя.

Интересно, когда до него дойдет, что я не обиделась? Я исключила его из числа людей, которых хочу видеть, слышать, ощущать рядом.

Нет его. Всё.

Остальное – тупой шум.

– Я не отстану, пока ты не поешь!

Перевожу взгляд на часы. Без пяти восемь. В девять начинается рабочий день. Не представляю, как заставить себя собраться, одеться, накраситься и идти вкалывать.

Ничего не хочу.

– Может, что-то особенное из продуктов выберешь, Светуль? Чизкейк с орешками, ежевику, блинчики с изюмом и творогом? Скажи только, что именно, я всё закажу.

Нет. Точно никуда не поеду.

Надо найти сотовый и написать начальнику, предупредить, что беру на сегодня отгул за свой счет. Или лучше на всю неделю. Да, так действительно будет лучше. Не хочу никого видеть, слышать, разговаривать.

Да и не вариант в офисе появляться. Там отмалчиваться не получится, как и ходить с постным лицом. В «Грейспорт» дресс-код введен даже на улыбки. Без них никак нельзя, иначе показатели падать станут.

И нет, это не мой бред, это дурацкие шутки руководителя, к которым все привыкли.

– Лебедева, прекрати делать вид, что меня не существует! Я есть, слышишь, Света! Я с тобой.

Макеев подходит совсем близко к кровати, садится на край и одновременно с этим хватает меня за руку. Тянет ее к себе и прикладывает к груди. Туда, где стучит сердце.

Бахает даже.

Удивительно. Оказывается, оно у него есть?!

После вчерашнего, право слово, я перестала в это верить. Вот кусок льда приняла бы без вопросов.

– Хватит меня игнорировать! Думаешь, я такой бесчувственный чурбан? – повышает он голос, не скрывая злости.

Цепляет мои запястья, заводит их за голову и фиксирует на подушке, удерживая одной рукой. Второй ловит за подбородок и, сжимая его, чтобы не вывернулась, заставляет все-таки взглянуть на себя.

– Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю! Смотрю.

Проще сделать, что требует, и ждать, чтобы отстал, чем бесконечно терпеть его прикосновения.

Но удивительное дело. Я смотрю на лицо, которое знала

до единой родинки, впадинки, шрамика, которое так долго любила... и больше не узнаю.

Чужое оно совсем.

Будто раньше его через фильтры видела, как в тик-токе красоток, а теперь оно предстало настоящим. Обычным, совсем не идеальным, со своими недостатками и проблемами.

Один глаз чуть уже другого. Нос крупноватый для такого типа лица. Кончик слегка приплюснут. Губы по девичьи пухлые. У висков россыпь маленьких красных прыщичков, как бывает, когда сладкого переешь. И передний левый клык торчит и слегка выпирает вперед.

– Ненавидь меня, считай монстром – ладно, Света, согласен, заслужил! Но ты просто не знаешь, кто такой на самом деле Разин, – распыляется Макеев на эмоции. – Если бы он выяснил про твою беременность, он бы тебя не пощадил. Даже не думай. Абортом бы дело не обошлось, он и тебя бы тоже уничтожил, понимаешь?! Свез бы в лес и закопал. А я тебя спас!

Разве ж ты спас? Разве ж не сделал то же самое, чем угрожаешь со стороны тестя?

Усмехаюсь мысленно.

Мне не нравится, как Евгений нависает надо мной и жадно скользит глазами по моему лицу. Стопорится на губах, глазах, волосах. Поправляет челку, задевая кожу кончиками пальцев.

Только бы не полез дальше. Иначе сорвусь.

И так едва сдерживаюсь от желания вцепиться ему в глаза и выцарапать те к чертовой матери!

Останавливает только страх. А чем он мне ответит? После вчерашнего я уже не горазда утверждать, что могу предугадать поведение данного индивида.

Макеев поворачивает руку так, чтобы видеть циферблат на часах. Тяжело вздыхает:

– Ну вот. Мне уже пора ехать на работу, а ты так и не поела.

Не поела?

По-твоему это – реально самая большая проблема на эту минуту?

Закрываю глаза, чтобы даже ими с ним не разговаривать.

Может хоть так догадается, что мне абсолютно начхать на его еду! Начхать с высокой колокольни! Как и на него самого.

– Не хочешь разговаривать, – грустно выдыхает мистер очевидность, но вместо того, чтобы подняться и уйти, продолжает говорить. – Ладно. Твое право. Обижайся. Я дам тебе время прийти в себя. Да и мне все равно нужно будет улететь на неделю. Геля хочет в свадебное путешествие. По брачному контракту я ей его должен.

Скатертью дорога!

Мне-то ты за каким фигом отчитываешься?

Снова отвечаю мысленно и уже собираюсь считать секунды до того момента, как смогу сделать полноценный вдох в одиночестве... как его следующие слова заставляют не толь-

ко открыть глаза, но и насторожиться.

– Да, Светуль, еще пара моментов, – произносит Макеев совершенно другим тоном. Твердым, каким разговаривает с подчиненными. – Ради твоей безопасности я заберу твой телефон и ключи от квартиры с собой. Выйти ты не сможешь. Да и ни к чему тебе это. Отлежишься спокойно тут, погорюешь, придешь в себя. Холодильник полный, продуктов тебе хватит. А я вернусь, и мы еще раз с тобой поговорим. Надеюсь, уже как взрослые, адекватные люди.

Взрослые, адекватные люди?

Вот как?!

То есть всё, что он со мной сотворил, это продуманные и взвешенные действия, а моё нежелание принимать их, считая надругательством и зверством – это капризы?!

Каков молодец!

– И на счет работы, Свет, – добивает сволочь лежачего. – Тебя уволили из «Грейспорт» вчерашним числом. Ангелина против, чтобы ты находилась в одном здании со мной. По поводу выплаты выходного пособия не переживай, я распоряжусь, все перечислят сегодня-завтра. С новым местом работы решим позже. Или вообще не будешь работать, как захочешь. Поверь, я смогу обеспечить свою женщину.

Свою женщину?

Вали уже к своей женщине!

Не дождавшись реакции, Макеев наклоняется и целует меня в губы. Пытается протолкнуть внутрь язык, но я до

скрипа сжимаю зубы, не позволяя ему этого. И глаза не отвожу, как и не прячу за ресницами.

Пусть адекватно воспринимает мою реакцию. Моё: ты никто!

– Я люблю тебя, Светик. Помни об этом, – звучит его очередная ложь на прощание.

А через минуту я слышу, как захлопывается и запирается входная дверь.

Глава 8

СВЕТЛАНА

Не вставая с кровати, дотягиваюсь до прикроватной тумбочки, выдвигаю верхний ящик и достаю из него подарочную коробку, обтянутую белым бархатом. Снова укладываюсь на кровать и ставлю футляр прямо перед собой. Поглаживаю мягкую обивку кончиками пальцев, а потом все-таки нажимаю на кнопку.

Крышка с тихим щелчком отскакивает вверх и демонстрирует мне ярко-красное нутро, на котором лежит то, что еще сутки назад было безмерно актуальным и безумно важным, а сегодня... сегодня превратилось в ничто.

Смертельную пустоту, что поселилась внутри меня.

Тест на беременность, который уже ничего не значит.

Две полоски, как жестокая насмешка над моими планами и мечтами.

Смотрю на них, и по лицу пробегает судорога.

Как он мог так с нами поступить?

Как он мог?!

Ну как?!

За грудиной вспыхивает пожар и нагло крадет мой кислород. Кажется, будто задыхаюсь. Открываю рот и рывками втягиваю в себя воздух. Губы начинают трястись. И постепенно эта дрожь передается по всему телу.

Холодно!

Боже, как же мне холодно!

Внутри горит смертоносное пламя, а кожа будто коркой льда покрывается... твердой, сковывающей все члены и пронизывающей острыми ледяными уколами...

Головой понимаю, что это нервный срыв. Логичный, после всего, через что провел меня любимый человек. Мясорубка была безжалостной и беспощадной. Даже не верится, что я еще жива, хоть и расколота на части.

Понимаю, все понимаю... как и то, что чтобы не сойти с ума, чтобы не сломаться от горя окончательно, боль нужно пережить, пропустив через себя, а после выпустив наружу...

Обязательно выпустив, иначе свихнусь...

Но как же это невыносимо сложно!

Головой я всё осознаю, но душой успокоиться не получается. Она мечется, страдает, сгорает в агонии. Она бьется и рыдает...

Предатель!

Трус!

Убийца!

Сжимаю зубы, чтобы они не стучали. Не помогает. Тогда втягиваю в себя губы и закусываю их. Пытаюсь физической болью заглушить душевную.

Сквозь текущие градом слезы смотрю и смотрю на то, что вчера меня окрыляло, а сегодня камнем тянет на дно, и вижу перед собой не красивый футляр и тест на беременность, а

гробик, в котором навсегда останется часть моей души.

Боже, я же продавцу-консультанту в ювелирном магазине весь мозг чайной ложечкой выела, выбирая цвет футляра. Никак не могла определиться.

Черный – ни за что! Может, цвет и строгий, но для обозначения беременности слишком уж хмурый.

Красный или розовый – намек на девочку!

Синий или зеленый – намек на мальчика!

Но на моем сроке говорить о поле ребенка очень рано. Да и разве он так важен? Главное, чтоб здоровеньким рос.

Хотела остановиться на желтом – ярком, как солнышко, что радует и дарит свет, но такого не было. Взяла белый, как чистоту и намек на светлое будущее...

Наше светлое будущее...

Боже, какая же я была слепая дура!

А Макеев оказался бездушной тварью. Монстром, в человеческом обличье.

Перед глазами так и мелькает вчерашний день. С каким предвкушением я жду возвращения Евгения, готовлю ужин, пританцовывая под музыку, и впервые разговариваю с малышом, то и дело касаясь еще совершенно плоского живота. Ведь теперь я могу это делать, как другие будущие мамочки, потому что точно знаю, что он уже зародился у меня под сердцем.

– А-а-а-а-а...

Нервная система не выдерживает. Подтягиваю колени к

груди, сжимаюсь в клубок и, обхватив голову руками, кричу в голос.

Кричу, пока не хрипну, пока громкая истерика не переходит в тихую, а тихая в безмолвную, пока силы окончательно не покидают. Сама не замечаю, когда и как проваливаюсь в оглушительную пустоту, а сознание отключается.

Просыпаюсь с тяжелой головой. В комнате темно. В ушах звенит, в горле дерет и пересохло, губы опухли, в глаза словно песка насыпали.

С кровати сползаю, как древняя старуха, и тут же хватаюсь за комод – голову кружит так, что едва не падаю. Слабость дикая. Но, переставляя ноги, настойчиво плетусь в ванную.

Умываюсь ледяной водой, хоть немного стараясь привести себя в норму. Смотрю в зеркало.

В нем всё та же я, что была вчера.

Да, потрепанная, резко повзрослевшая и выглядящая сильно неважно – да что врать?! Выглядящая откровенно ужасно! – но точно пережившая свой личный конец света.

Пережившая и не свихнувшаяся.

Поломанная и преданная, но не сломленная.

Обожженная, но не опустившая руки и не сдавшаяся.

Чего бы не планировал Макеев на мой счет, этот больной убудок больше своего не добьется. Я не стану его молчаливой куклой. Любовница... что за бред?

Пусть ищет себе другую «любимую девочку», а я его «лю-

бовью» наелась досыта. Аж тошнит.

Сбегу.

Пока не знаю как, но непременно сбегу.

И сто замков не удержат.

Вот только немного в себя приду, а то голова будто ватой забита, совсем не варит, и придумаю план. Я же – аналитик данных, я смогу.

Глава 9

СВЕТЛАНА

К тянущей боли в низу живота прибавляется пульсирующая в висках и отдающаяся в затылочную часть головная боль. Даже слегка поташнивает.

Шаркая ногами, плетусь на кухню и достаю коробку с лекарствами. Бабуля, еще когда я была школьницей, приучила меня всегда держать в доме запас средств первой необходимости – йод, перекись водорода, мирамистин, крем боро-плюс, таблетки от головной боли, от температуры, от аллергии, от простуды и от поноса.

Вытащив из упаковки красную капсулу, обещающую экспресс-помощь, обильно запиваю ее водой. Но жажда до конца не проходит. Пить хочется еще.

Повторно наполняю стакан и, достав из холодильника блюдо с ломтиками лимона, закидываю внутрь пару кругляшей. Давлю их вилкой и размешиваю, добавляю несколько кусочков льда. Пробую. Вкусно. Присев на стул, в этот раз пью медленнее – растягиваю удовольствие.

Взгляд скользит по окружающему пространству. Натывается на плиту. На сковороде тухнет забытый больше чем на сутки соус Болоньезе, рядом кастрюля с явно уже испорченными спагетти. Макеев даже не потрудился их убрать или выкинуть. Зато приготовил – заглядываю через прозрачную

крышку – яичницу с сосисками и помидорами.

Заботливая сволочь.

В задницу такую его заботу.

Пусть сам ее хакает, когда вернется. Я ни за что не при-
тронусь.

Звонок в дверь сначала кажется игрой подсознания. За-
стываю на стуле, глядя в сторону выхода, и обдумываю: по-
казалось или нет?

Нет. Не показалось.

Трель повторяется. Во второй раз более настойчивая и
продолжительная.

Поднявшись на ноги, бреду в прихожую. Осознанно ста-
раюсь делать это беззвучно. Не хочу себя выдавать и с кем-
то общаться.

Глазок не трогаю, нажимаю на кнопку домофона и активи-
рую камеру на лестничной площадке. Смотрю на лица незва-
ных гостей и едва не врезаюсь в шкаф, когда отшатываюсь.

Я узнаю мужика, который стоит позади амбала, жмущего
на кнопку.

Геннадий Иванович Разин собственной персоной. Отец
Ангелины и тесть Евгения. Еще один богатый кусок дерь-
ма, который, по словам Макеева, легко и просто горазд меня
прибить и закопать в лесу.

– Не открывает? – уточняет он то, что и так абсолютно
ясно.

– Так может и нет ее? – басит верзила, скорее всего под-

чиненный Разина, и снова вдавливая палец в кнопку звонка. Вижу это, жду пиликания и все равно вздрагиваю, когда раздается «дилинь-дилинь». – Ваш зять, Ген Ваныч, сказал, что отправил девчонку назад в Тьмутаракань, откуда она к нам приехала. Значит, не соврал, хата пустая?

– Не знаю, не знаю, Гош. Слишком долго он с ней шуры-муры крутил... Да и привык я во всем лично убеждаться, – Разин ведет челюстью и прищуривается, будто пытается через бронированное полотно меня разглядеть.

Становится страшно и холодно.

Обхватываю себя за плечи и даже дышать стараюсь тише.

– И что делать будем? – уточняет план тот, кого называли Гошей. – Дверь ломать?

ЧТО?

Мурашки не только по спине пробегают, но и по шее с затылком. А потом резко бросает в жар и тут же в холод. А еще я ощущаю, как усиливается кровотечение.

Господи, только не это!

Опираюсь одной ладонью на тумбу, а вторую прикладываю к животу, будто это поможет. Стискиваю ноги вместе и, приоткрыв губы, дышу через рот.

Уходите!

Пошли прочь!

Кричу мысленно.

– Нет, ломать не будем. Зачем же так сразу Евгению недоверие выказывать? Еще разнервничается парень, Гельку до-

ведет. Тогда та ни мне, ни матери покою не даст, — доносится сквозь звон в ушах ворчливый голос Разина. — Пусть уж они нормально в путешествии отдохнут. А вернутся, видно будет.

— Как скажете, Геннадий Иванович, — не выказывая ни радости, ни разочарования флегматично соглашается бугай.

А вот я от счастья едва на пол на подгибающихся ногах не сползаю.

— Так что? Уходим так?

— Да, уходим.

Не моргаю, слежу за тем, как парочка пугающих личностей удаляется в сторону лифта. Разин к кнопке не прикасается. Как стоял, спрятав руки в карманы брюк, так и стоит. Всё выполняет Гоша.

Считаю секунды, когда, пиликнув, створки кабины распахнутся, а после закроются за спинами этих двоих. Но, прежде чем уйти, Разин вдруг поворачивает голову в мою сторону и пугающе спокойным голосом произносит:

— Надеюсь, девка не дура и быстро забудет Макеева. Иначе я ей не завидую. Раздавлю, как букашку.

Верю его словам безоговорочно.

А Макеева в этот момент ненавижу еще сильнее, если такое возможно.

Какой же гад! Зная всё заранее, сам же меня подставил.

Человек ли он вообще? Что мужчина — однозначно нет.

Но предаваться печали и жалости много времени себе не

даю. Нельзя тут оставаться. Надо бежать.

Придерживая низ живота, семеню в комнату, балкон которой выходит на парковку. Аккуратно выглядываю, и, только убедившись, что незваные гости загрузились в черный монстроз и уехали, бросаюсь в ванную приводить себя в порядок. Дальше собираю документы и вещи первой необходимости в дорожную сумку. После методично обыскиваю всю квартиру.

Должны же быть запасные ключи!

Должны. Но где?

Успеваю и вспотеть, и выбиться из сил, и сбегать на балконы, чтобы, пусть и зная наверняка, убедиться, что к соседям, к сожалению, перелезть невозможно. И даже поплакать, и поматериться.

Замуровали, демоны!

Только если в фильме эта фраза вызывала улыбку, то теперь, произнося ее, хочется сжаться в клубок и порыдять.

Почему всё так плохо?

Не проходящая боль доводит до того, что кажется, будто отнимаются ноги и температура поднимается. Вновь иду на кухню и выпиваю еще одну таблетку обезболивающего. Уже разворачиваюсь, чтобы уйти, как взгляд сам собой взлетает к корзинке, стоящей на телевизоре.

Егор. Телефон.

«Спрячь. Будет нужна помощь, набери меня...» – вспышкой мелькают его слова.

Господи, помоги! Только бы он еще не разрядился.

Руки ходят ходуном, когда достаю допотопный гаджет. Но, когда при нажатии на зеленую кнопку вспыхивает экран и показывает две полоски зарядки из трех, я считаю его самым крутым и надежным.

Моя ж ты прелесть! Не сдох!

Значит, и я не сдохну!

В контакты забит лишь один номер. Не сомневаюсь, что он принадлежит младшему Макееву. Жму на вызов.

Гор берет трубку после второго гудка.

– Светлячок?

Одно слово, но в нем столько всего намешано: и мягкость, и беспокойство, и вопрос, и напряжение, и настороженная тишина после...

От собственных эмоций рвет на части. Почти давялю всхлип, что нашла выход, что смогла с ним связаться. Но лишь почти.

И Макеев его улавливает.

– Света, что?! – повышает он голос.

– Забери меня, Гор...

И этого ему хватает.

Ни одного вопроса или уточнения. Только требование:

– Держись там.

И следом обещание.

– Уже выезжаю.

Дождусь, Егор. Я обязательно тебя дождусь.

Впервые за последние дни удастся расслабиться.

Глава 10

СВЕТЛАНА

Скрежет ключей в замочной скважине раздается через пятьдесят две минуты и тридцать три секунды, как прерывается связь с Макеевым. Все это время я так и сижу на полу возле холодильника, куда опустилась, не имея сил подняться.

Накатывает то дикое облегчение, что смогла позвать на помощь. То страх, что Макеев младший в попытке узнать подробности созвонится со старшим братом – я ведь не успела попросить его так не делать – и меня выдаст. То надежда, что удача все-таки хоть сейчас мне улыбнется. Глубокую задницу увидеть я уже успела.

– Света?

Голос Егора узнаю сразу, но до того, как ответить, прислушиваюсь к шагам и едва не плачу от радости, что он пришел один. Я так боялась, что будет с кем-то... так боялась...

После всего доверять хоть кому-то безумно страшно.

– Я здесь, на кухне, – подаю голос, когда Егор зовет меня второй раз и, судя по отдаляющимся звукам, устремляется в спальню.

Опираюсь ладонями на стену и столешницу, встаю на ноги, но едва начинаю выпрямляться, как чувствую неладное. Это не похоже на обычное недомогание во время месячных.

Внутри будто лопается пузырь, и из меня устремляется поток, который я никак не могу контролировать.

Ощущаю, как намокает прокладка, а потом что-то теплое щекочет кожу по внутренней стороне бедра. Прикладываю ладонь к промежности, будто это позволит остановить процесс. И с тихим ужасом замечаю, как серая ткань спортивного костюма пропитывается кровью.

– Светлячок, вот ты где прячешься... – появляется в дверях кухни Макеев, но едва замечает мою не до конца разогнутую позу и руку, которая ничего не может скрыть, как сам себя обрывает и резче, чем говорил до этого, уточняет. – Что с тобой? Тебе плохо?

– Мне к врачу надо, Гор. Кровотечение открылось.

Становится ужасно стыдно за такой конфуз, но Егор выглядит так, будто злится на кого угодно, но точно не на меня.

– Блть! – выдыхает он, взъерошивая на макушке волосы, а через секунду уже стирает с лица ошарашенно-дикий вид и твердо произносит. – Конечно, Свет, сейчас поедem. Потерпи немножко, ладно?

Киваю.

– Мне бы только переодеться...

– Давай без этого, – не соглашается он и следом поясняет. – Не будем терять время. Скажи лучше, что тебе с собой отсюда забрать нужно, хватаем и помчали. Со всем остальным в больнице разберемся.

Отличный вариант. Обеими руками за.

Исчезнуть из этого места мне хочется больше всего на свете.

– Мои вещи уже собраны. Дорожная сумка в коридоре, – отвечаю на вопросительный взгляд.

– Понял. Видел. Еще что-то где-то прихватить?

– Нет, не надо, – мотаю головой и сжимаюсь, ощущая, как нарастает тянущая боль внизу живота.

Господи, да сколько ж можно?!

Вечернее время и искусственное освещение играют со мной странную шутку. Кажется, будто Макеев белеет, просто глядя на меня.

– Стой тут. Я сейчас вернусь, – командует он и вдруг срысывается куда-то прочь.

Стоять не хочется. Особенно зная, что дверь на свободу уже открыта.

Стараясь не обращать внимания на недомогание и на то, как неприятно испачканная одежда липнет к ногам, делаю пару шагов с кухни вслед за своим спасителем, но не успеваю преодолеть даже метр, как он возвращается.

– Непослушная, – отчитывает мягко, а в следующую секунду обнимает меня, немного дезориентируя. А когда отступает на шаг, понимаю, что он укутал меня в плед.

Узнаю свой любимый, и на глаза едва слезы не наворачиваются. Легкий, мягкий, клетчатый. Он всегда лежал на диване в гостиной, и даже летом я нередко в него закутывалась.

Гор, сам того не зная, принес мне самую дорогую вещь в

этом доме.

– Значит так, Светлячок, слушай внимательно, – отвлекает меня младший Макеев. – Сейчас я беру тебя на руки. Вдруг тебе ходить нельзя. А ты крепко обхватываешь меня за шею и ничего не боишься. Поняла? Я ни за что тебя не уроню, – поясняет он свои действия и тут же приступает к выполнению.

Не представляю, как он может нести одновременно меня и еще тяжелую сумку с вещами, но решаю не спорить и просто довериться.

Ему. Я. Могу.

К моей радости, ни на площадке, ни в лифте нам никто не встречается. Егор прижимает меня к себе, помогая стоять прямо, а я, обхватив его руками за пояс, прикрываю глаза.

Свобода.

Говорят, после камеры, воздух на воле пьянит. Даже в плачевном состоянии я готова с этим согласиться. Я выбралась из западни.

Автомобиль, низкий вытянутый спорткар цвета мокрого асфальта, припаркован прямо у подъезда, нагло перекрывая проезд, но удивительное дело, никто не упирается в него мордой и не сигналит, требуя побыстрее убраться.

Егор открывает брелоком багажник и закидывает внутрь сумку, меня аккуратно сгружает на задний диван и даже откуда-то достает небольшую подушку.

– Ложись, – командует и, дождавшись, когда подогну но-

ги, захлопывает дверь.

На водительское сидение запрыгивает почти бегом, а потом резко стартует с места. Притормаживает только на выезде из двора, чтобы пропустить поток, и в это время настраивает зеркало заднего вида, чтобы видеть мое лицо. А когда справляется, тут же задает вопрос:

– Клиника какая-то конкретная нужна или мчим в ближайшую?

– В ближайшую.

Кивает. И реально мчит.

Некоторое время в салоне стоит тишина. Стараюсь его не отвлекать. Очень уж у Макеева резвая езда. Такую еще называют «игра в шашечки». Но он сам нарушает молчание.

– Свет, кровотечение, – произносит и замолкает на секунду, встречаясь со мной взглядами. – Ты от Женьки беременна?

Усмехаюсь невесело и отрицательно качаю головой.

– Уже нет.

– В смысле: уже нет? – непонимающе хмурится Гор.

– В прямом, – выдыхаю и отворачиваюсь к окну.

Не могу ему о таком рассказывать.

Они же братья. Родная кровь. И пусть давно живут в разных городах, но я знаю, что связь сохранили. Каждую неделю созваниваются. Да, не при мне. Но о том, что нового происходит в жизни Егора, Евгений всегда рассказывает. Точнее, рассказывал. Будь то игра, город, девушка. О последних

особенно.

– Давно про свадьбу их узнал? – нагло меняю тему.

Имен не называю, оно и не требуется. Мы оба отлично понимаем, о ком речь.

– Неделию назад, – отвечает младший Макеев, совершая очередной обгон, занимает крайнюю левую полосу и снова стреляет в меня взглядом через зеркало. – Я тебе несколько раз набирал. Хотел понять, что происходит. Ты внесла меня в ЧС?

– Я? – не скрываю недоумения, а в следующую минуту прячу глаза за ресницами и качаю головой.

Вот даже как?

Евгений, да ты – просто мастер манипуляций. Всё предусмотрел. Всех, будто фигуры на шахматной доске, расставил. А лишние убрал.

Сволочь!

– Нет, Егор, я бы всегда ответила на твой звонок.

– Ясно, – кивает Макеев, кажется, тоже сложив два и два.
– А сама про свадьбу когда узнала?

– В тот вечер, когда ты у нас был.

– Пздц!

Не то слово.

Но суть обозначает.

Дальше разговор приходится прервать. Егор бьет по тор-мозам, самым наглým образом подпирая мордой спорткара шлагбаум, и с оттяжкой жмет на клаксон.

«Фа-а-а!»

«Фа-а-а!!!»

– Открывай живее! Девушке плохо! – рычит в приоткрытое окно, едва охранник выныривает из будки. – И сообщи, чтоб врач нас встретил!

Доверившись своему спасителю, за дорогой я особо не следила. Теперь же, приподнявшись, замечаю совершенно незнакомую территорию. Мы проезжаем через березовую рощицу, а потом сворачиваем к вытянутому белому зданию в три этажа.

– Это хорошая клиника, Светлячок. Я сам тут лежал несколько лет назад, – произносит Макеев, заметив мой интерес. – Врачи отличные и с соблюдением секретности всё строго. О пациентах никому личную информацию не выдают.

– Отлично. Спасибо, – произношу, облизав пересохшие губы.

Это то, что мне нужно. Залечь на дно.

Егор не отвечает. Притормозив прямо у центрального крыльца, выскакивает из машины и огибает ее. Распахивает мою дверь и подхватывает на руки, но вынимать из салона не спешит.

– Ты же к нему не вернешься, Свет? – испытующе смотрит на меня.

Мотаю головой изо всех сил.

– Никогда, Гор. Никогда!

– Уверена?

– Абсолютно.

– Он не отпустит. Ты же понимаешь?

– Я сбегу, – даю слово ему и себе. – Этого человека для меня теперь не существует. Да и не человек он...

Макеев еще несколько секунд вглядывается в мое лицо, но больше ничего не спрашивает. Аккуратно вытаскивает меня и передает медперсоналу, успевшему выкатить на крыльцо каталку.

– Я буду рядом, – сжимает ладонь, а потом отходит в сторону и что-то резкими фразами говорит врачу.

А меня увозят.

– Не переживайте. Мы о вас позаботимся, – подбадривает улыбкой медсестра, идущая рядом с каталкой.

Киваю, а сама всё верчу и верчу в голове фразу Гора: «Я буду рядом».

Ну как же будет?

Он же улететь должен...

Глава 11

СВЕТЛАНА

В больнице меня оставляют сначала на одни сутки, потом на вторые. Анализы, УЗИ, уколы, капельницы.

– Я смогу после такого забеременеть и родить ребенка?

С волнением смотрю на врача и, кажется, не дышу, пока она не отрывается от просмотра моих последних исследований и не кивает с самым серьезным видом.

– Не вижу для этого никаких противопоказаний, Светлана Алексеевна. Единственное, настоятельно рекомендую все же отложить решение вопроса на четыре месяца. Дайте организму немного прийти в себя.

– Да, конечно, – киваю, без раздумий.

Не то чтобы я прямо сейчас собиралась бежать и пытаться зачать ребенка. Не от кого мне, да и морально вот так, с разбега, я не готова бросаться в омут с головой. Но то, что чертовы Евгений и врачиха, которую он приводил, не сотворили со мной непоправимого, заставляет натянутую пружину, которая непрестанно звенела внутри все последние дни, ощутимо распрямиться и ослабнуть.

Невозможность родить ребенка. Может, для кого-то это не приговор. Но я всегда хотела, мечтала, ждала и надеялась стать мамой. Взять на руки свое маленькое чудо, обнять, приласкать и подарить ему всю любовь, которая во мне ско-

пила за все осознанные годы.

– Спасибо вам большое, Элла Сергеевна!

– Да не за что, – позволяет себе улыбку мой гинеколог, – у вас сильный организм. И по женской части нареканий нет. Всё еще будет. И забеременеете, и выносите, и родите. Настраивайтесь сразу на позитив, моделируйте благоприятный путь развития будущего, а негативные мысли гоните прочь. Кто знает, вдруг они действительно материальны?

– Обязательно так и сделаю.

– Вот и отлично.

Внеся в карточку записи, врач предупреждает, что через пятнадцать минут придет ко мне в палату медсестра, чтобы поставить еще одну капельницу, на вечер останутся укол и витамины, а завтра с утра, если все будет в порядке, меня после обхода выпишут.

– Поняла.

– Тогда прощаюсь.

Кивнув мне, гинеколог уходит, а я, елозя попой, стекаю на кровати вниз. Устаиваюсь на боку, подбив повыше подушку и подтянув ноги к животу, накрываюсь до шеи одеялом и углубляюсь в размышления.

Есть ли у меня вариант остаться в Питере?

Логически – да. Город ведь не маленький, вполне возможно затеряться. Но тут же возникает масса ограничений. По специальности я работать вряд ли смогу, как и на каком-нибудь большом серьезном предприятии – слишком огромна

вероятность случайно пересечься с Макеевым или его новыми родственниками. Так же придется исключить из посещений все привычные места, парки, скверы, ТЦ, магазины. Исчезнуть с радаров общих знакомых. Сменить номер телефона, маршрут, электронную почту. И постоянно оглядываться, ожидая удара в спину в любой момент.

Подходит мне этот вариант? Конечно, нет.

Я хочу покоя и чувства защищенности, которое после выходки Евгения, никак не хочет ко мне приходить.

Возвращаться на родину, в Тьмутаракань, как выразился Разин, тоже не вариант. Город маленький. Предприятий нормальных нет, одни парикмахерские, да магазины. В пятерочку или Сбербанк устраиваться? Нет, спасибо. Нервы и так ни к черту. Да и жить там негде. С отчимом-алкоголиком, который после смерти мамы и бабушки квартиру в непойми что со своими дружками превратил, нет, не хочу. Брезгую.

Получается – надо какой-то новый большой город искать, где моя профессия востребована, и я смогу обеспечить себе и съем жилья, и пропитание.

Москва – однозначно нет. Огромная, холодная, непонятная. Сколько раз ездила туда в командировки – так и не оценила. Совсем не мой город.

Великий Новгород, Тверь, Ярославль, Нижний, Казань, Воронеж...

Куда не ткнись, опять начинать все с начала. Одной. Без поддержки. Без ничего. Как же сложно. И страшно.

В Питере я хотя бы сначала училась. Жила в общежитии, и постепенно изучала город. Бабуля тогда еще была жива, гостицы мне слала. Приезжать – не приезжала, ноги болели, по дому только ходила и то с палочкой, зато звонила постоянно, выслушивала, поддерживала, давала мудрые советы. Заботилась, как могла, давая понять, что я любима и оберегаема.

А теперь?..

Только сжав зубы и засучив рукава, топтать вперед и не оглядываться. На силе духа и морально волевых, ведь больше у меня ничего нет.

Тихий стук прерывает поток грустных мыслей. Успеваю стереть со щеки одинокую мокрую дорожку, и вот уже дверь распахивается.

– Привет! К тебе можно? – просовывается в щель голова Макеева младшего.

Сам он хитро улыбается.

И я улыбаюсь ему в ответ.

– Привет! Конечно, Егор, проходи!

Он переступает порог и с тихим щелчком прикрывает за собой дверь. Пока берет стул и, перевернув его спинкой вперед, оседлывает, в очередной раз разглядывая его крупную фигуру, широкие плечи, раскачанные бицепсы, на которых белый халатик, который его заставили надеть медсестры, едва не трещит по швам, и мысленно качаю головой.

Мальчик-мальчик, мальчик-мальчик. За прошедшие пять

лет – сколько знаю, Егора, – я так привыкла, что он молодой, тощий и зеленый, что теперь никак не могу перестроиться. Куда делся мальчик, и как из него вымахал такой громадный дядя?

– Ты сегодня улыбаешься, – замечает Егор, не сводя с меня темно-синих глаз.

Он немного съезжает по сиденью назад, складывает руки на спинке и упирается в них подбородком.

– Врач хорошими новостями поделилась, – не делаю из этого тайны.

– Расскажешь?

Киваю. Сглатываю комок слез, который неожиданно встанет в горле – Макеев так смотрит, что я без слов чувствую его переживания и, словно синхронизируясь с его эмоциями, позволяю себе немножко слабости, а потом тихонько признаюсь:

– Нечаева сказала, что я смогу иметь детей.

– Светлячок...

– Не сейчас, конечно, а в будущем, – улыбаюсь шире и часто моргаю, – но смогу, Гор. Смогу, понимаешь. Это же здорово, правда?!

– Правда. Всё будет хорошо, Светуль, обязательно. Главное, в это верь.

Снова киваю и тихонько смеюсь.

– Я верю, честно! А ты прямо слова врача точь-в-точь повторяешь. Вы будто сговорились!

– Тоже скажешь, – фыркает. И смотрит на меня так проникновенно, что тело окутывает приятное тепло, а щеки начинают полыхать.

Раньше я тоже порой такие взгляды младшего Макеева перехватывала, но старалась на них не заикливаться и быстро переключалась на что-то иное. Включить чайник, поправить подушку на диване, выглянуть в окно, проверить телефон. А сейчас мне и двинуться некуда.

Сбившись с дыхания, втягиваю в рот нижнюю губу и прячу глаза за ресницами, а потом вспоминаю то, что так боялась спросить. Но ведь все равно надо.

– Ты скоро улетаешь, да?

Егор молчит и, только когда я отваживаюсь снова на него посмотреть, перехватывает мой взгляд своим. Удерживает, не думая отпускать, и серьезно кивает.

– Да. Завтра. В одиннадцать вечера.

Вот так.

Улетает.

И вроде знала. А все равно легкие будто кто-то тисками сжимает, не позволяя их расправить и сделать нормальный вздох.

– Понятно. Я... – замолкаю.

Не знаю, что сказать.

Попросить не улетать – не могу. Я ему никто. Бывшая девушка брата.

К тому же Егора там ждут. У него тренировки, работа,

друзья, девушки. Вся жизнь.

Да и мне самой из этого города стоит поскорее бежать. Евгений слов на ветер не бросает. Его «ты – моя, я тебя не отпущу» – не красивые слова, а реальная угроза, которую он выполнит, как только вернется из свадебного путешествия.

Пожелать Гору «Счастливого полета» — тоже язык не поворачивается. Ведь сказав это, я приближу конец нашей встречи. Он подумает, что мы все обсудили, встанет и уйдет.

А я не хочу, чтобы он так быстро уходил. Пусть я веду себя, как бессовестная эгоистка, но сейчас Макеев младший – единственный близкий человек, который остался в моей жизни. Даже если он этого не подозревает.

А когда он переступит порог палаты и закроет за собой дверь, я в целом мире останусь совсем одна.

– Я буду по тебе скучать, – произношу в итоге истинную правду.

Да я уже по нему скучаю, хотя он даже попытки подняться не предпринимает. И на телефон, который начинает вибрировать в его толстовке, не отвечает.

Засовывает руку в карман и просто отрубает звук. Ловит мой слегка удивленный взгляд и серьезно спрашивает:

– Бежать от братца не передумала?

Пробегаю языком по пересохшим губам и уверенно мотаю головой.

– Н-нет, не передумала.

– Ты же в курсе, что он тебя вычислит, если ты исполь-

зуешь свой паспорт? Покупка билетов, официальный съем жилья через онлайн, устройство на работу...

Медленно веду головой из стороны в сторону. Такой момент я не рассматривала, а ведь действительно стоило.

– Или он, или Разин, – говорю едва слышно.

Теперь приходит очередь Егора излучать недоумение, а мне рассказывать про незваных гостей.

Мат в исполнении Макеева звучит так емко и сочно, что у меня уши огнем вспыхивают, и рот в удивлении приоткрывается, а вошедшая после короткого стука медсестра едва не спотыкается и не роняет стаканчик с лекарствами.

– Я через пять минут зайду, – произносит она скороговоркой и тут же вылетает за дверь.

Егор, к слову, тоже после нее не задерживается. Поднимается со стула, но, прежде чем покинуть палату, твердо заявляет:

– Завтра ты летишь со мной.

– Но...

– Ничего не бойся, я решу вопрос с паспортом.

И пока я очумело хлопаю ресницами, он удивляет второй раз. Подходит и, наклонившись, касается губами моей щеки.

– Отдыхай, Светлячок. Завтра после выписки я тебя заберу.

=====

История про девушку в беде
"Немая девочка" <https://litnet.com/shrt/9818>
Двоюродная сестра безжалостно меня подставила. Отправила в руки

человека, доведенного до предела, а затем лишь посмеялась:
"Подумаешь, девственности лишилась. Не такая уж большая
потеря. Зато теперь, когда ты беременная, мы его на колени
поставим ..."

Глава 12

СВЕТЛАНА

– Егор, а куда мы летим? – уточняю негромко, когда черный микроавтобус с тонированными стеклами движется не по указателям к центральному зданию аэропорта, а забирает резко влево под шлагбаум на закрытую территорию, где начинается летное поле.

Не хочу, чтобы водитель бизнес-такси, незнакомый мужчина лет пятидесяти, забравший нас из квартиры Макеева, расположенной на Крестовском острове, что-то слышал. Особенно то, что девица в компании довольно известного хоккеиста интересуется куда ее везут, уже практически одной ногой садясь в самолет. Будто эскортница, которую взяли в поездку на время, чтобы скрасить досуг и не более.

– В Омск, Светлячок, – отвечает Гор так же тихо.

Точно чувствуя моё напряжение, он протягивает руку и, как только я кладу в нее свою, аккуратно, но крепко её сжимает.

– Не переживай, всё будет хорошо, – повторяет он мне уже сказанное накануне.

Если бы сомневалась, сейчас меня здесь точно не было. Уверена, Макеев и сам об этом догадывается, но, наверное, ему, как любому нормальному человеку, тоже хочется слышать подтверждение ушами. Пусть мы знакомы пять лет, но

это не значит, что успели друг друга хорошо изучить.

Да и когда бы?

Поворачиваюсь к нему всем корпусом и заглядываю в глаза. Наши сидения расположены так близко, что, если бы не подлокотники, мы вполне могли бы соприкасаться плечами. Вместо этого я не только зависаю, разглядывая необычный рисунок радужки в синеве его необычного цвета глаз, но и ощущаю на коже легкое свежее дыхание.

– Я верю тебе. Правда-правда, – говорю, как есть.

Мужественное лицо после моих слов не теряет своей серьезности, один в один копируя мою собственную, но в глазах вспыхивают веселые искорки и голос наполняется теплотой, когда Гор шепчет:

– Вот и молодец.

И будто этого мало, он растопыривает пальцы и, поменяв положение рук, сцепляет наши кисти в замок. Перехватывает мой удивленный взгляд и подмигивает.

– Ничего со мной не бойся.

– Да когда уж мне? – фыркаю слегка нервно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.